

Дарья Белова

РАЗВОД

После...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Белова

Развод. После...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70375054

SelfPub; 2024

Аннотация

Максим и Оля развелись два года назад. Он был ее первой любовью, единственным мужчиной, а она для него была самой красивой женщиной на земле. Только теперь у Ольги есть жених, известный и богатый бизнесмен, а у Максима – красивая девушка. Но что делать, если их все еще тянет друг к другу? Смогут ли герои простить друг друга и начать все с чистого листа?

Содержание

Глава 1. Оля	4
Глава 2. Оля	9
Глава 3. Оля	14
Глава 4. Макс	20
Глава 5. Оля	27
Глава 6. Оля	34
Глава 7. Макс	39
Глава 8. Оля	46
Глава 9. Оля	53
Глава 10. Оля	62
Глава 11. Макс	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Дарья Белова

Развод. После...

Глава 1. Оля

– Не думал, что наша первая встреча после развода произойдет только спустя два года.

С этих слов мой бывший муж начал наш диалог. И да, последний раз мы общались два года назад, когда подписывали документы о разводе. Была зима, холод, снег и вечный сумрак.

В сердце до сих пор зияющая дыра, от которой пахнет паленым. Даже дым еще чувствуется в носу и вкус пепла на языке.

При взгляде на Максима внутри все переворачивается вверх дном, в голове всплывают наша последняя ссора и слова, которые сказали другу на прощание.

Под ребрами ноет...

– Ты успел соскучиться? – без приветствий отвечаю.

Мы поворачиваемся лицом друг к другу. Мир вокруг перестает для меня существовать. Так было всегда, когда он рядом.

Когда-то Макс был самым близким человеком.

– Я и правда скучал.

Одна фраза, и я уношусь в прошлое. Горло стягивает першением, воздух царапает гортань до хрипов.

Максим Кречетов – мой бывший муж, любовь всей моей жизни и самая сильная боль стоит сейчас рядом со мной. Мы случайно встретились на открытии нового арт-пространства. Как он здесь оказался, не имею ни малейшего понятия.

С подноса беру высокие “фуэт”, наполненный шампанским, и отпиваю противное пойло. Оно здесь ужасное.

Откладываю недопитый напиток на стол и чувствую, как удушающая волна поднимается с самого низа тела, выворачивая забытые эмоции и пережеванные чувства на поверхность.

– Как... как жизнь? – спрашиваю между канапешкой с икрой и глотком все еще ужасного шампанского.

Мы же взрослые люди. Не могу же я свои обиды продемонстрировать так явно и на публику.

– А ты не гуглила? Обычно обозленные женщины склонны мониторить своих бывших и проклинать их.

Поджимаю губы, кислая тарталетка растекается во рту с противным вкусом, заставляя шумно сглотнуть вязкий комок.

Кречетов всегда умел найти точку, надавив на которую исходишься желчью оттого, насколько он прав. Чертов сканер. Всегда таким был.

– С чего бы мне? Я не настолько мелочна.

Отворачиваюсь, чтобы не встречаться с бывшим мужем

взглядом. Раньше меня коротило как старый оголенный провод от секундного взгляда в его глаза.

– Дела хорошо. Мы открыли еще один филиал, моя команда занимается благотворительностью, вот недавно запустили горячую линию психологической поддержки.

– Молодец.

– А ты?

А я...

А я иногда вспоминаю нас. Мы же с института вместе.

Макс учился на последнем курсе, я всего лишь первокурсница. В столовой оступилась и пролила какую-то жижу, именуемую супом, на белую рубашку Кречетова.

Я всегда была неловкой, а когда волнуюсь, моя неуклюжесть достигает сотого левела. Тогда еще будущего мужа я заметила сразу. У меня дыхание сбилось, а тело окаменело. Прямо как в мультиках показывают. Вот и разволновалась.

А Макс... он всегда был аккуратным, чистоплотным, до жути педантичным. До колик, до зубного скрежета, до выжженных пучков нервов.

Вот и представьте огромное коричневое пятно на идеальной, кипельно-белой рубашке Кречетова.

– У меня тоже все хорошо.

– Все-таки мы молодцы, что развелись.

– Ты прав. У меня жизнь новыми красками заиграла. И... вообще все супер. Да!

Макс хмыкает грустно, но улыбается. Черт. И правда улы-

бается, словно у него действительно все хорошо. Он счастлив.

Он свободен. От меня.

– Вот ты где!

Симпатичная девушка, которая по-хозяйски берет под руку моего бывшего мужа и обворожительно улыбается, появляется словно из ниоткуда.

Мне хочется провалиться. Наблюдать за жизнью бывшего через соцсети это одно, но видеть воочию, какими глазами он смотрит на *эту*... А потом обводит чуть поплывшим взглядом ее смачное декольте, это совсем другое.

С меня словно кожу содрали неровными клочками и из пульверизатора уксусом обрызгали.

Господи, я же взрослая, самостоятельная женщина. Почему я так остро реагирую на того, кто так потоптался по моим чувствам в прошлом? В прошлом, блин!

– Это Настя, моя...

– Девушка, – заканчивает брюнетка.

Коротко киваю, отворачиваюсь. Залпом выпиваю невкусное шампанское и, не прощаясь, убегаю.

Всегда было сложно прятать свои чувства, особенно когда их крючком вынимают из нутра.

Кречетов же наоборот. У него нет чувств. Холодный, неприступный, уверенный в себе сноб.

Забегая в туалет и тут же бросаюсь к зеркалу. В отражении снова боль и разочарование. В глазах своих вижу все эти

оттенки.

Я уже не плачу. Совсем. Два года прошло с последней слезы. словно разучилась, напрочь лишилась этой функции, мои слезные железы забетонировали.

– У меня правда все хорошо. Я замуж выхожу, – говорю своему отражению, – за хорошего человека. Его Оскар зовут. И он лучше, чем ты.

И брызгаю водой по стеклу.

Телефонный звонок эхом проносится по светлому кафе-лю. Делаю длинный выдох и беру трубку.

– Оля, а ты где?

Рисую на лице улыбку. Она всегда чувствуется в разговоре, даже если ты не видишь собеседника.

– В туалете. Ты меня потерял?

– Выходи.

Наверное, следует рассказать Оскару про встречу с Кречетовым.

Кладу, нет, бросаю телефон в сумочку и выбегаю из дамской комнаты, чтобы упасть прямо в руки бывшего мужа.

– Макс? – ошарашенно уставилась на его... губы, растянутые в хитрющий оскал.

– Все такая же неуклюжая, Оля.

Глава 2. Оля

– Ты не мог бы меня отпустить? – жалобно спрашиваю.

Пальцы Макса на моей спине поглаживают лопатки. А у меня ощущение, что он кожу мою сдирает. Щиплет и разрывает в местах соприкосновения.

По венам искры бегут, заряжая своей энергией все клеточки до тошнотной вибрации.

Мне неуютно находиться с бывшим мужем один на один. И меня душит его общество. Мы в пустом коридоре, где холодно, страшно и безумно хочется свалить отсюда.

– Хм... да ради Бога.

Кречетов еще мгновение удерживает меня в своих руках. Даже кажется, что чуть приближает свое лицо. Рефлекторно делаю вдох, глубокий, медленный, втягивая *его* запах.

Хоть бы парфюм сменил. Хотя о чем это я? Этот сноб всю жизнь только таким ароматом и пользовался. Не любит изменений в своей жизни от слова совсем.

Рецепторы, которые наглухо затоплены знакомым запахом, запускают программу расслабления. Адреналин, впрыснутый в кровь, по щелчку пальцев растворяется, будто его и не было.

И это раздражает. Такого быть не должно!

– Ты можешь идти, – приказным тоном говорю, на него не смотрю.

Корявыми движениями зачем-то поправляю и отряхиваю платье. Оно же ни чуть не помялось. И Макс это знает. Как и то, зачем я вообще это делаю.

– Красивое.

– Ты о чем?

– О кольце твоём.

Удар в сердце. Дышать, главное – дышать.

Боль струится фонтаном. Я мечтала, что выйду замуж раз и навсегда. Думала Макс будет моим первым, единственным.

А сейчас он стоит напротив, такой красивый, безукоризненный и говорит комплименты моему... помолвочному кольцу.

– Спасибо.

Разговор закончен. Нам не о чем больше говорить. Но мы подпираем стены, смотрим в разные стороны коридора.

– И когда свадьба?

– Скоро.

– И кто он?

Он – не ты, хочется выкрикнуть.

Никогда не забуду, как Кречетов швырнул в меня заявлением о разводе и холодным голосом прошипел: “подписывай!” В тот вечер я думала, что умерла.

– Он хороший человек, на которого я могу положиться.

– Звучит, как претензия ко мне.

– Слишком много думаешь о себе, Кречетов. Ты спросил, кто мой жених, я ответила.

И катись ты к черту! Хотя ты сам черт и есть. Бездушный и злой. Ненавижу. До конца своих дней буду ненавидеть.

– Вышли приглашение. Давно не был на свадьбах.

– Я обсужу это с Оскаром.

– Пф-ф, Оскар? Серьезно? Твоего жениха зовут Оскар?

Легкие надуваются от большого глотка воздуха. А выдохнуть не могу. Взгляд Кречетова не дает. Пузырьки кислорода, рая, лопаются внутри.

Вижу то ли насмешку, то ли злость, то ли вообще... ревность. Дикую, жгучую, ненормальную.

Ужасное тут шампанское, его нельзя пить. От него галлюцинации начинаются.

Открываю рот, чтобы высказать Максу все, что я о нем думаю. Даже слова сложила в наполненное матом предложение. Не успеваю...

– Ольга? Ты здесь?

Мой жених – Оскар, идет по коридору в нашу сторону. Мысли закручиваются в узлы, не могу внятно объяснить, что я делаю один на один с ним... с бывшим своим. Неприятная ситуация.

– Да, – прочищаю горло, дважды смаргиваю наваждение под названием “ревность Кречетова” и стараюсь растянуть губы в приветливую улыбку, – да, я здесь.

– А вы кто? – Оскар обращается к Макс.

Тот сощурился, почти под микроскопом рассматривает моего жениха. Ой, мамочки.

– Максим Кречетов. Муж Ольги.

Пауза. Тишина. Я слышу шум воды по канализационным трубам, шуршание мышей где-то в стенах. Мои нервы растворяются в кислоте.

– Вы хотите сказать, бывший муж, так?

Снова тишина. Бьет бесшумным молотком по моей голове, пока она не раскалывается как яркая пиньята. Конфет только нет. Одни ошметки моего прошлого, зато завернутые в блестящую обертку.

Не молчи, Максим. Прошу. Не рушь мою жизнь снова.

– Разумеется, – снисходительно улыбается. По-снобски, словно одолжение сделал.

Беру Оскара за руку. Молча прошу уйти. Последний раз мы с Максом стояли так близко друг к другу больше двух лет назад.

И я забыла, какого это. Вспоминать не хочу. Зарывала все, что связано с бывшим мужем в самый дальний угол.

– До свидания, Максим Кречетов.

Макс не отвечает. Только улыбается, блин. От такой улыбки мурашки огибают позвоночный столб. И они не от окрыляющего чувства, скорее наоборот.

Скверное предчувствие.

– Надеюсь, это ваша первая и последняя встреча, Ольга. Я не буду терпеть это. Тем более, за своей спиной, – Оскар говорит медленно, тягуче, без капли тепла и нежности.

Он бизнесмен, я привыкла к такому повелительному тону.

Но сейчас... чувствую угрозу.

– Этого больше не повторится.

– Я знаю, – короткий ответ, глядя строго мне в глаза. Его зрачки увеличились до размера радужки.

Как только Оскар отходит переговорить с кем-то, опираюсь на стену так, чтобы не привлекать к себе внимание, и стараюсь отдышаться. В животе большая тяжесть, в солнечном сплетении простреливающие насквозь ощущения.

Безумие какое-то происходит.

Два года. Два года я не слышала, не видела Кречетова. И в один вечер он ворвался снова в мою жизнь. Просто прелесть!

Накидываю шубу, чтобы выйти на крыльцо. Мне нужен свежий воздух.

Вибрация входящего сообщения заставляет все тело застыть как закованное в цепи. Телефон жжет кожу ладони до волдырей, чуть из рук не выпадает.

Его номер я удалила давно, но знакомые цифры, высеченные лазером на сетчатке, не дают усомниться, кто отправитель.

“Он уже знает твой маленький секрет, Ляль?”

Глава 3. Оля

Водитель Оскара везет нас с мероприятия, когда мы молча сидим сзади и смотрим в окно. Я не нахожусь, о чем вообще сейчас говорить, будущий муж полностью погружен в свои мысли.

Мое единственное желание в данный момент оказаться дома, попробовать как-то уложить все, что со мной сегодня случилось. Встреча с прошлым, особенно таким, далась мне нелегко.

– У меня утром ранний вылет, – сухо говорит, а я вздыхаю с облегчением.

Твою ж мать, Кречетов на пять минут показался в моей жизни, а я уже и рада, что Оскара не будет со мной рядом несколько дней.

– Не поднимешься? – осторожно спрашиваю. Хоть пальцы скрещивай за спиной. Не хочу, чтобы он поднимался ко мне. Только не сегодня.

– Нет. Отдыхай.

Вижу, что Оскара задела эта злосчастная встреча.

– Позвоню, как вернусь.

– Ты надолго? – практически останавливаю машину.

Он так спешит со мной попрощаться? Настолько его зацепило? Мне как бы тоже досталось, я тоже ранена. Не исключено, что моя рана глубже и опаснее.

– А что?

Ненавижу, когда он так делает. Словно подозревает меня в чем-то. Я на самом деле начинаю чувствовать себя виноватой.

– Просто интересуюсь.

– Неделя, может, дней десять. Как пойдет.

Без слов прощаний, каких-то объятий и, упаси боже, поцелуев, мой жених выезжает со двора.

С Оскаром мы познакомились банально, даже неинтересно рассказывать. Я случайно оставила картхолдер со всеми карточками в ресторане, где обедала. Всегда была рассеянной, а в подавленном состоянии так вообще ничего и никого не замечаю.

Оскар как-то вычислил меня по вложенным картам и позвонил. Мы встретились, он предложил поужинать, я согласилась. Потом пригласил на еще одно свидание, следом еще и еще.

Прошлый отпуск мы провели вместе в Испании. А сейчас на моем безымянном пальце красуется бриллиант в несколько карат. Снова.

На прошлом кольце только вместо бриллианта был фианит, да и материал всего лишь серебро. И я каким-то фигом в своей голове сейчас сравниваю.

Все встреча! Дурацкая, никчемная встреча!

Снова достаю телефон из сумочки и замерзшими пальцами открываю сообщение. Разумеется, я понимаю, о чем

именно спрашивает Макс.

Прикрываю глаза и... господи, озноб по телу прошибает все конечности. Если Оскар узнает? Что он обо мне подумает? Что я ненормальная?

Хочу удалить сообщение, а отправителя добавить в черный список. Так, на всякий случай. Только это ведь не решит проблему. Мою особенно.

В каких-то волнительных, смешанных ощущениях поднимаюсь к себе на этаж, громко стуча каблуками по ступеням.

Я терпеть не могу лифты. В детстве застряла, с тех пор редко когда ими пользуюсь. И квартира моя находится на пятом этаже. Идеальный вариант. Поднимаясь, не сильно устаете, но в то же время и нагрузку мышцам даешь.

Закрыв за собой дверь, устало скольжу вниз, садясь на пол пятой точкой. Сердце никак не вернется на место. Все стучит где-то в желудке до легкой, мерзкой тошноты и головокружения. Или это из-за противного шампанского?

Снова открываю сообщения, вчитываюсь.

Какой же наглец, а!

Начинаю печатать ответ, вливаю в него всю желчь, на которую только способна и... стираю.

– Знаешь, что, Кречетов, – набираю его номер, движимая иррациональными чувствами, – пошел ты! Ты больше не имеешь права задавать мне такие вопросы.

Бросить бы трубку, а я жду.

Хриплое дыхание, как у старого курильщика, наполняет

все пространство небольшого коридора. Я... волнуясь. Пот рекой струится по спине – неприятное чувство. Но еще меня выбешивает, что ведушь на крючок, который Макс так ловко закинул. Рыбак, блин.

– Оля?

Но он даже не сразу понял, кто звонит.

Разочарование обрушивается и засыпает сверху донизу.

– А ты еще чьи-то интимные секреты знаешь?

– Вообще-то, да.

Ненавижу!

– Если проболтаешься Оскару, мне придется тоже кое о чем проболтаться. Как хорошо, что у меня припрятан в рукаве козырь, не находишь, Кречетов.

Молчание. Стук бокалов, чьи-то голоса, преимущественно женские.

Меня рвут эмоции как дикие звери, и я не понимаю, как их успокоить. Спокойствие Макса, какой-то даже пофигизм, всегда выводили меня из себя.

– О чем ты, Ляль?

Снова мое прозвище. В прошлое окунает, задыхаться начинаю.

– Ты понимаешь, о чем.

Макс низко смеется.

Дыши, Оля! Это всего лишь смех, всего лишь бывший муж, всего лишь разговор.

“Которого не должно быть”, – шепчет мне моя совесть.

– Ты с кем говоришь? – слышу голос из трубки.

Ну, конечно, его девушка. Та брюнетка, что ловко обвиняла его руку, его всего, чуть не сожрала на глазах у всех.

Ногтями цепляю кафель, следы хочу оставить. Внутри также кто-то когтями раздрает, гравировки какие-то ставит на неизвестном мне языке.

– Да так, никто, – слышу ответ и короткие гудки.

Он сбросил вызов.

Не знаю, что больше выбило из меня воздух: его ответ или его действие. Пошевелиться не могу. Застыла накрытая потухшей лавой, только внутри еще борюсь с кем-то. Или с чем-то.

“Никто”...

Мы же любили. Сильно. Мы не можем быть друг для друга никем. Никак не можем.

И в первый раз за два года я понимаю, что плачу.

– Ксения, привет, это...

– Оля, привет. Ты у меня все еще записана.

С сестрой моего бывшего мужа мы общались хорошо, даже очень. Нельзя было назвать нас подругами, но иногда могли встретиться и поболтать. После развода практически перестали общаться. Оно и понятно.

Стараюсь, чтобы мой голос звучал звонко, без всяких хриплых нот, которые бы говорили о моих слезах.

– Подскажи, а Макс все в тот же зал заниматься ходит?

– Вроде бы да. А что?

А что? Такой простой вопрос, а ответа у меня нет. Есть только одна идея. Бредовая, опасная, безумная. Как и я, по словам моего дорогого бывшего мужа.

Отвечаю что-то невнятное и сбрасываю звонок.

Захожу в спальню, открываю ящик с документами и нахожу несколько тонких папок с ксерокопиями. Содержащаяся там информация важна для Кречетова. Только он и не знает, что у меня есть копии.

Но узнает. Настал мой черед задавать ему вопрос, который загонит бывшего в тупик.

Глава 4. Макс

– Может, поедем сегодня ко мне?

Моя девушка, Настя. На самом деле звучат все эти формулировки странно. По крайней мере, для меня. После брака и развода говорить о том, что ты как бы встречаешься, что у тебя есть девушка, это по меньшей мере необычно. Чудно, я бы сказал.

– Прости. Сегодня не получится.

– Почему?

Почему-почему... Потому что не хочу. Но скажи я это ей в лицо, увижу обиду. Затем Настя начнет искать причину. Весь процесс ее мыслей мне знаком.

– Что-то случилось, Макс?

Ее хватка на моем предплечье усиливается. Как у них так получается? Вроде хрупкие девушки, слабый пол, который нужно защищать, но в какой-то момент защищаться приходится самому.

– Настя, я отвезу тебя до дома. У самого еще дела.

– Какие?

Хватка усиливается еще. На этот раз на горле. И это только игра моего воображения, хотя чувство очень реальное.

Улыбаюсь фирменной улыбкой. Говорят, она располагает к себе. Человек начинает доверять мне, раскрывать свои мысли.

По факту, это лишь такая работа мозга. Улыбка воспринимается человеком напротив как проявление доброжелательности. На более глубинном уровне – отсутствие опасности. Если улыбаться другому, то подсознательно можно настроить позитивное и открытое общение, человек даже не будет осознавать этого. Такой эффект называется – “эффект отражения”.

– Тебе завтра на работу?

– Да.

– Тогда не стоит задерживаться. Помню, ты не любишь рано вставать.

Настя принимает поражение, и мы выходим с этого мероприятия, которое принесло в себе несколько сюрпризов.

Такси едет сначала по первому адресу – дом Насти, – следом называю свой. И честно, я рад, что сегодня вечером останусь один.

Встреча с бывшей женой резанула по нервам ловко, как фокусник. Все устаканившиеся эмоции всколыхнула эта встреча.

Я как вулкан, в котором внезапно началось извержение. Столб пепла из жерла, тонны магмы, следом груды камней. И все это творится у меня внутри. В моем, сука, установившемся мирке, который по кусочкам заново сколачивал. А я, мать его, профессионал этого дела.

Кто бы знал, зачем творил то, что... творил, выписал бы премию. Потому что я ни хрена не соображал. Это непро-

ститительно.

Когда сталкиваешься с объектом своей первой любви, начинается какое-то представление. Гормоны танцуют, мысли ругаются, тело вообще в шоке, и человек перестает контролировать себя.

Лялька – моя первая любовь. Это правда. Несмотря на то что встретил ее на последнем курсе института. Я выпускник, она первокурсница. Я психолог, она переводчик. У меня спокойный характер, она – водородная на хрен бомба. Мы должны были разойтись, но...

По статистике, как это ни странно, 40% людей женятся на своей первой любви. Нам привычно, что первая любовь – это про боль, разочарование. Я скажу, что первая любовь не всегда безответная, но она всегда яркая. Поэтому ее сложно забыть.

Мы с Лялькой оказались в этих сорока процентах, но и в числе 60% из 100 – количество пар, которые прошли через развод.

Ночью практически не сплю, а я не люблю такое. Сон для меня важен, иначе весь день насмарку. И проходит он, как и думал. Жду только одного – сходить в зал и поколотить грушу.

– О, Макс, здорово. Давно тебя видно не было, – когда-то я помог тренеру в одном интересном деле, с тех пор у меня постоянная скидка. Все-таки быть психологом выгодно.

Сейчас я не практикую, за редким исключением. сосре-

доточен на административной части. Несколько месяцев назад открыл еще один консультационный центр.

– Соскучился? – спрашиваю с издевкой.

– Конечно. Так было приятно прокатиться по твоей роже. Хоть и в перчатках.

Оба ржать начинаем. Я понимаю, о чем он, тренер понимает, о чем я.

Затягиваю костяшки на руках тканью, надеваю перчатки, слегка разминаюсь.

Перед глазами сразу маячит лицо этого... Оскара. Почему-то.

Странный тип. Я бы сказал опасный, неприятный. Что-то в нем такое есть... отчего я бы советовал держаться от него подальше.

Вдох через нос, выдох через рот. Я психически устойчивый тип, меня сложно вывести из себя.

А потом вспышка – и ее бриллиант размером, блядь, с Венесуэлу на безымянном пальце. Раньше скромный фианит носила. Интересно, где он сейчас?

Пропускаю удар.

– Эй, Макс! Ты в порядке?

Нет!

– Все хорошо. Сам же сказал, давно не ходил. Хватку теряю.

Вдох через нос, выдох через рот.

Вспышка.

“Если проболтаешься Оскару, мне придется тоже кое о чем проболтаться. Как хорошо, что у меня припрятан в рукаве козырь, не находишь, Кречетов”.

Снова пропускаю удар.

Губа рассечена, из нее кровь течь начинает. Промакиваю. Как только дотягиваюсь? Глаза к небу возвожу. Что за черт, а?

– Ты уверен, что готов сегодня заниматься, а? Может, на тренажерах побегаешь?

– Думаю, ты прав.

Стягиваю перчатки, откидываю их куда-то. Внутри снова извержение. На этот раз все вулканы земли одновременно выбрасывают тонны пепла и магмы. Мир погружается во тьму, а мои нервы вырывают с длинными корнями.

Такое со мной проделывать может только одна женщина. И имя ей – бывшая жена.

Я говорил, что первая любовь яркая? Она, сука, как солнце, скоро спалит меня!

А был уравновешенным человеком, психологом! Пока не прошел через развод. Ну, и не встретил бывшую.

Есть вообще статистика смертности мужского населения, которое после встречи с бывшими женами откинулось? Наверняка оно приближается к ста процентам.

В зале полно народа. Глазами цепляю единственную свободную беговую дорожку и иду к ней. Включаю, делаю шаг и... блядь!

На соседней дорожке вышагивает Лялька.

Прикрываю глаза. Возможно, это галлюцинации. В моем организме сбой после пропущенных ударов. Это ложный образ, она – не реальна.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю несуществующую Ляльку.

– Хожу.

От бешенства пальцы на руках подрагивают. Я сам весь натянут и искрю, меня мокрым подсоединили как последний элемент в электроцепи.

Бамс! Снова вспышка! На этот раз я взрываюсь.

– Что ты здесь делаешь? – повторяю с нажимом.

Бывшая жена выключает тренажер, соскакивает с него, две ее аппетитные груди подсакакивают вместе с ней. А я даже взгляда от них отвести не могу.

Лялька, она же... самая красивая. Всегда была. Я и влюбился сначала только в ее красоту. В первую секунду, как увидел. Несмотря на пролитый суп на мою идеальную рубашку.

– Пойдем поговорим?

– О чем?

Прищуриваюсь. Да ладно? О том моем глупом сообщении?

Не удержался вчера. Простите.

– А ты не боишься? Остаться со мной один на один?

Мы сталкиваемся взглядами. У меня снова вспышка. Но я

уже к ним привык. Человек вообще ко многому может привыкнуть.

Оставляя мои вопросы без ответа, выходит из зала. Разумеется, я за ней.

Трясет пока. Перестал понимать причину этого состояния. А я такое не принимаю. Я должен понимать первопричину любого отклонения в своем организме.

– Что это?

Бывшая жена протягивает мне папку с какими-то бумагами. Открываю, вчитываюсь. Свой почерк, конечно же, узнаю сразу. А также то, что там написано, о ком, когда это было сделано. И чем мне это грозит, если эти самые документы попадут, скажем, журналистам в руки.

Перед глазами уже не вспышки, а черная, ядерная пелена. Бывшая – настоящая водородная бомба. Слепну в мгновение. В мыслях иррационально хочу придушить Ольгу.

Зверею. Грубо хватаю Ляльку за локоть и веду в какую-то подсобку. Заталкиваю бывшую жену в это помещение и прижимаю к стене. В кровь вбрасывается норадреналин дикими дозами. Этот гормон еще называют “гормоном ярости”. Вот ее у меня сейчас столько, что континенты потопит.

– Ты поиграть со мной решила?

Глава 5. Оля

– Ты поиграть со мной решила?

Его голос чужой. В нем стальные ноты, о которых даже не подозревала. Напряжение стягивается в солнечном сплетении до рваных вдохов. Чувство, что меня душат. Чья-то сильная рука сомкнула свои пальцы на моем горле.

В маленьком помещении, заполненном каким-то спортивным инвентарем и половыми тряпками с ведрами, совсем нет воздуха. Точнее, он насыщен запахом резины, химии и чем-то еще соленым.

Мы уставились друг на друга. В его глазах танцует пламя. Опасное, от которого следует держаться подальше.

Да, такого Макса я не узнаю, потому что не знаю его.

– Лишь обезопасить. Если решишь выложить всю правду обо мне, я поступлю также с тобой, – отвечаю тихо, сдавленно. Ведь рука на моем горле никуда не делась. Ощущения становятся острее.

К животу стекается все тепло, образуя воронку.

Наше дыхание смешивается, взгляды скрещиваются. Что-то происходит такое запретное, но до боли знакомое. Спортивный топ сдавливает грудную клетку, косточки лифчика неприятно стискивают кожу.

Воспоминания накрывают как бедственная волна цунами. Та же каморка, тот же скудный свет. И запахи те же. *Он же*

не меняет туалетную воду...

– Нравится, Ляль?

Давит своим тяжелым взглядом как груда камней. Большим пальцем очерчивает скулы, губы, опускается к шее. Фантомная рука становится реальной.

Дыхание сбивается и хочется взвыть. Грудью касаюсь его тела. Мы слишком близко друг к другу. Непозволительно для тех, кто в разводе.

– Нравится? – гасит интонацией.

Его рука идет ниже, приподнимая вверх и так короткий топ. Большим пальцем очерчивает соски сквозь кружевную ткань, надавливает, выбивая грубый стон из самого центра тела.

Глаза прикрыты, потому что... мне нравится. Всегда нравилось.

– И что, даже не остановишь? – шепчет на ухо, всасывая мочку уха в рот прямо с сережкой – его подарком. Так и не смогла снять их и избавиться.

Молчание дается с трудом, но я просто не знаю, что ответить. Нахожусь на грани. Все тело горит от его рук, а между ног привычно тянет. Требуется разрядка, но я никогда не признаюсь бывшему мужу в этом.

Уф, что же делать?

Не могу же позволить ему... это? Прямо здесь? После всего случившегося?

– Сейчас в твоей крови запредельное количество адрена-

лина. Он просто выжигает твои вены, – хрипло говорит.

Макс зубами цепляет острые вершинки, все еще не спуская лифчика. Втягивает их в рот. Правой рукой гладит промежность, где пылает, словно меня касается огонь.

Стою одеревеневшей статуей, ловя всю гамму чувств. Эйфория глушит. Во рту сухо, сердечный ритм сбит.

– Тебе страшно сейчас. Мы ведь в зале, дверь не заперта. В любой момент может кто-то войти и увидеть. Нас. Страшно?

Взгляд в глаза. Они темные, забирают мою волю и подчиняют себе. Я в чертовой ловушке.

– А еще тебя возбуждает это. Адреналин вырабатывается не только во время стресса, но и во время сексуального возбуждения.

Двумя пальцами надавливает на промежность, слегка погружая их внутрь. Мешает только ткань лосин и трусы. Все насквозь мокрое. И бывший муж это чувствует. Его победная улыбка бьет сильнее пощечины. Потому что он прав.

Я возбуждена. Сильно.

Мне сейчас плохо. Внутри надлом чувствую. Он знает о моей уязвимости и всюю пользуется ею. Глаза слезятся начинают, и я отворачиваюсь.

– Ты слишком много о себе думаешь, Кречетов.

– Да неужели?

Кажется, я слышу, как бьются наши сердца. Страх, возбуждение, ожидание чего-то большего, воспоминания, прорывающие мозг, – все заставляет дрожать. Я не вижу выхода

и попросту теряюсь.

Макс отодвигает толстую резинку лосин, проникает под ластовицу трусов, другой рукой зажимает рот. Мои глаза широко раскрыты от... его наглости. Или от того, как мне нравится.

– Мокрая. Как я и думал.

Отстраняется от меня, оглядывает сверху донизу. Взгляд такой становится холодным, оценивающим. Никогда такого не чувствовала от него. Даже в процессе развода, когда сыпали проклятиями.

Сейчас все изменилось. Он изменился.

– Говори, откуда документы?

Макс находит какую-то тряпку и демонстративно вытирает пальцы, которые еще секунду назад были в моей влаге. Смотрит неотрывно и медленно обтирает каждый палец. Словно ему... противно.

Меня подрывной миной кромсает на части. Вглядываюсь на все его действия и снова умираю. Унижение, которое сложно вынести. Уже нет возбуждения, нет стресса. Есть только разочарование и чувство вины.

Хочется себя пожалеть. Укрыться одеялом, свернуться калачиком и обнять себя.

– Скопировала, – повержено отвечаю. Каждая клеточка в моем теле устала сопротивляться его жестокости. – Увидела, как ты в сейф их прячешь, и решила скопировать.

– Ну ты и...

– Кто, Кречетов?

– Принесешь все, что у тебя есть.

Сейчас он зол. Нижняя челюсть выдвинута, а губы стали тоньше.

– Никогда. Теперь точно никогда тебе их не отдам. После того, что ты только что сделал со мной.

Макс закатывает глаза, кривит рот. Это видно даже при скудном освещении. Ему становится в тягость разговор со мной.

В трусы он залезть мог, а поговорить нормально с бывшей женой выше его сил. Ненавижу!

– Ты же специально сюда пришла, Ляль?

Усмехаюсь. Напыщенный, самоуверенный индюк. Который прав.

– Под спортивный топ ты никогда не надевала кружево. Они сдавливают грудную клетку и не дают правильно дышать. Значит, ты пришла не заниматься. Не знаю пока как, но ты узнала время, в которое я обычно хожу сюда. Спустя два года, Ляль! Зачем?

– Папку тебе показать.

– И ты мне ее отдашь.

– Не надейся.

Шаг в мою сторону. Он снова близко. Его запаха много: бессменная туалетная вода, соль и мужской пот. Во рту скапливается слюна, потому что я помню, какая *его* кожа на вкус.

– Запись, как мы входим в эту комнату и выходим спу-

стя, – делает задумчивый вид, подсчитывает что-то, – примерно десять минут, попадет твоему ненаглядному Оскару на стол завтра же. Как думаешь, какая идея у него возникнет по отношению к нам, а?

– Ублюдок!

– Завтра вечером. Адрес скину. Поэтому не добавляй в блок.

Зараза! Он уже у меня в блоке.

– Ненавижу тебя, Кречетов! – кричу ему в спину, которую хочется расцарапать. Потом лицо, грудь. Всего его искалечить. За то, что снова все чувства сгрыз.

– Аналогично, – не обернувшись, говорит.

Дверь хлопает, а я опускаюсь на пол. Он кафельный и только сейчас понимаю, что мои ноги ледяные, рук вообще не чувствую. В промежности все тот же пожар и сырость.

Господи! Как мне победить себя?

Закрываю лицо руками, чувствую, слезы на подходе. Но ни одна слезинка не капает. Только горло в какую-то пленку затянуто, а тело в узел закручивается от противоречивых ощущений. Тошно от самой себя.

Спустя полчаса получаю сообщение от Кречетова. Несмотря на то что написал с другого номера, я знаю, что это он.

Адрес ресторана и время.

Телефон падает из рук прямо под ноги, выскальзывает вперед, ударяясь о заледеневший сугроб.

Он издевается! Я не могу туда пойти! Никогда и ни за что!

Глава 6. Оля

К ресторану подъезжаю сильно припозднившись. Очень надеюсь, что Кречетов не выдержал и сбежал. Он жуть как не любит опоздания. Я же вечно опаздываю.

Но сегодня это было сделано намеренно.

На мне джинсы с высокой посадкой и наглухо закрытая водолазка. И мне все равно, что вид не соответствует походу в ресторан. У меня вообще такое состояние, что я готова крушить стены этого места.

– Добрый день, у вас заказано? – спрашивает милая девочка на входе, окидывая меня неодобрительным взглядом.

Это место довольно пафосное. И вот так вот заявиться в том, в чем я, мягко говоря, неправильно.

– Кречетов Максим, – произношу имя бывшего мужа.

Некогда родное сердцу имя выплевываю, словно старую пережеванную жвачку. Оглядываюсь по сторонам. Ничего не изменилось с нашего последнего визита сюда.

Только стены сейчас давят, становится душно, в голове звучат голоса того вечера, которые мы слышали из соседней кабинки.

Да, особенность этого ресторана в том, что все столики находятся в кабинках. Небольшие, довольно интимные места, где никто не помешает.

Ну, мы так думали...

– Я уж думал, ты не придешь, – расслабленно говорит бывший муж, который вальяжно развалился на диване.

На столе полусъеденный ужин на одну персону и бокал красного вина.

Я не ела с утра, крошки во рту не было, и мой желудок зазывно и позорно заурчал.

– А я думала, ты уже уехал.

– Правильней было бы сказать, надеялась.

Злость на Кречетова зажимает меня в тиски, вдох дается с трудом, будто кислород в этом помещении заканчивается.

– Проходи, присаживайся, – любезно указывает на место напротив него.

Заставляю себя сделать эти шаги к столику и медленно опуститься на диван. Ладонью чувствую приятный велюр, и мозг подбрасывает нежеланные воспоминания как горсть гвоздей в лицо, царапая и задевая за живое.

Решение надеть джинсы и закрытую кофту сейчас кажется правильным, хоть мне и безумно жарко. Кожа не так подпалается от постоянных взглядов Макса в мою сторону.

Кречетов отложил приборы и его пальцы уверенно и изящно сжимают тонкую ножку бокала.

Бросаю взгляды на бывшего мужа и снова теряюсь.

Он сидит весь красивый, невозмутимый, с изогнутыми в ухмылке губами. Меня переворачивает от него такого и что-то до сих пор екает внутри.

– Ты принесла?

Опускает он с небес на землю своим вопросом. Тут же вспоминаю, почему я здесь.

Даже не предложил что-то заказать, хотя музыку моего живота он слышал и о голоде моем догадывается. А, вспомнила, я же опоздала.

Педант хренов!

Взглядом еще раз прочесывает меня, одежду, в которой заявилась, и останавливается на кожаной папке, что положила на стол.

Меня бьет внутренняя истерика, и я до сих пор не понимаю, почему пришла и позволяю так с собой обращаться. Кречетов ничего особенного мне не говорит, не делает. Только его взгляды и поведение... Ух... как иголки под ногти загоняет.

– Где гарантии, что ты не скажешь все Оскару?

Скрещиваю руки на груди и откидываюсь на спинку. Саму колотить начинает от этих всех вопросов, оттого, что он весь такой из себя сидит напротив меня и внаглую рассматривает.

– У тебя вообще нет никаких гарантий. Только мое слово.

– Которому верить ни в коем случае нельзя.

Взгляды сцеплены. По ним уже бегут поджигающие искры и раздаются микровзрывы.

Чего мне стоит забрать папку и будь что будет? Ну, узнает Оскар, насколько я ненормальная, дальше что? Судя по информации, которую я скопировала у бывшего мужа, есть люди еще более поехавшие.

– Я передумала. Не буду тебе ничего отдавать! И катись ты куда подальше, Кречетов.

Под ребрами, как резинка, растягивается страх. Сплюсчивает все органы. С губ вот-вот слетит очередное проклятие в его адрес.

И я никуда не уйду...

– Ты как ребенок, ей-богу! Который пытается быть самостоятельным, но в силу своего максимализма и неопытности начинает говорить и творить то, что в дальнейшем только пугает его.

От сказанного пальцы цепляют ближайший столовый прибор и начинают вертеть его в руке, взглядом хочу удавить бывшего мужа, а в груди образуется объемный, мешающий дышать ком.

И правда, в этой одежде, с этой дурацкой папкой и своими мыслями чувствую себя ребенком. Кречетов всегда умел одной лишь фразой раскрыть проблему. Но, черт, легче не становилось никогда. Не знаю, как он там клиентам помогал. Лично я всегда будто вылетала с колеи на встречу под большегруз.

– Знаешь что?

Глаза мечутся по столу, пока не нахожу недоеденный суп. С него началась наша история, с него и закончится. С каким-то восторгом от посетившей мысли беру тарелку и выливаю на кипельно-белую рубашку бывшего мужа.

От сделанного радость длится ровно две секунды, следом

захватывает ожидание расправы, потом все клетки стягивает ужас.

– Знаешь, почему ты меня никогда не переиграешь? – удивительно спокойно говорит, – потому что я все твои шаги и мысли знаю наперед.

Он бросает взгляд на часы, берет салфетку со стола, вытирает капли томатного супа с циферблата и хмурится. Меня разбрасывает по стенам от его такого спокойствия. Потому что я думала сражаться один на один с его гневом.

– Пять минут и тридцать шесть секунд, Ляль. Я думал, ты выдержишься чуть дольше.

Официант вносит чистый комплект мужской одежды, вешает его на вешалку и удаляется, словно его здесь и не было.

Глава 7. Макс

– Может, ну на хер этого Оскара? Давай повторим? – спрашиваю, приблизившись к лицу бывшей жены.

Втягиваю ее чуть сладковатый аромат, а он дурманом забивается в нос, в рот, заполняет собой легкие до доньшка.

Зрачки Оли расширены, губы чуть приоткрыты, даже замечаю, как слегка подрагивает нижняя.

Грудь почти касается моей при шумном вдохе, а при выдохе царапает. Нескончаемый момент, на котором мы зависаем. Как между мирами.

Она вспоминает наш секс здесь несколько лет назад, который был именно в этой кабинке. Не знаю, успела бывшая жена заметить или нет, но о том фееричном оргазме до сих пор барабанные перепонки лопаются.

Ольгу потряхивает от этих воспоминаний, но она очень старается скрыть это от меня. Глупенькая...

Наше тело помнит многое.

Ее дыхание частое, взгляд бежит от меня к той самой стене. Могу поспорить, уже мокрая вся. Весь ее внешний вид говорит о том, что она возбуждена.

А я тащусь от нее такой...

В какой-то момент все заканчивается. Картинка быстро приходит в движение. Ольга скрещивает руки на груди, чуть сторбившись, отходит на вполне безопасное расстояние.

Бывшая жена закрылась от меня.

– Больше никогда о таком не спрашивай, – тихо говорит, приходится напрячь слух.

Оля берет мой бокал с вином, вертит его в руке, прокалывает меня острым взглядом и выпивает залпом темно-бордовую жидкость.

А раньше жена не любила красное сухое. Говорила, что оно кислое и невкусное.

Обхожу бывшую с другой стороны и присаживаюсь на диван. Под сердцем что-то липкое проливается и с затяжной болью притягивает к себе все то, что так долго прятал. Мутить от всей этой липкости и гадости начинает.

– А о чем спрашивать? – решаю продолжить разговор.

Молчит. Она конкретно от меня закрылась. Может, и правильно. Не умеешь нападать, учишься защищаться. Это, кстати, тоже надо уметь делать.

– Расскажи мне про своего Оскара. Ты счастлива?

Перекидываю одну ногу на другую и пристально вглядываюсь в, казалось бы, привычный образ. Ищу крошечные изменения, какие-то изъяны, которые дадут мне очередную почву для размышлений.

– Вполне.

– А со мной была счастлива? – вдруг задаю вопрос.

Иногда наше подсознание играет с нами плохую шутку. Как бы ни противился этому вопросу, как бы ни загонял его куда подальше, он все-таки прорвал оборону.

– К чему все эти вопросы, Максим?

Она обратилась ко мне полным именем. Это фиаско, брат.

Оля вроде и осталась прежней. Тот же подход к делу, когда ее что-то задевает, те же мысли. Даже тон, когда она сердится, один в один совпадает с тем, что был ранее. Никаких изменений. Видимых.

А сейчас...

Что-то ломается внутри при виде нее такой... новой. Или, правильной будет сказать обновленной. Но новая не всегда означает лучше.

– Банальное любопытство. Мы же вроде как не чужие люди, – хмыкаю безразлично.

– Ошибаешься. Чужие.

Слова как острие копья вонзается куда-то в межбровье и проходит насквозь. Так больно еще не было. Руки стянуты вдоль тела, а хочется крошить всю мебель вокруг.

Это самое ужасное слово – чужие. Хотя слова сами по себе всегда нейтральны. Все зависит от контекста.

Так вот ее “чужие” вспарывает живот, заставляя умирать в мучительной агонии.

– Когда ты мне отдашь остальные папки? – снижаю тон на несколько градусов севернее.

– Когда получу какие-то гарантии, Кречетов, – сухо отвечает.

Мы будто на деловую встречу приехали. Бывшие супруги, которые по разные стороны баррикад. Это не может не заде-

вать, честно говоря.

После развода все, уверен, желают, спокойствия. Развод – то еще мероприятие, которое накручивает нервы на вилку как спагетти.

Но у меня нет ни хрена спокойствия.

– Например? Что ты подразумеваешь под гарантиями?

Ольга прищуривается, зажимает уголок губ, раздумывая над моим вопросом. Ее темная прядь выбилась из хвоста. Всегда такое было. Волосы бывшей жены непослушные и чуть кудрявые. И прядь эта, как пружинка, постоянно подскакивает от любого движения.

Она наливает себе вина из бутылки. Чуть-чуть. Делает это лишь для демонстрации, потому что, теперь я точно знаю, красное вино ей так и не полюбилось.

Или полюбилось?

Кожей чувствую ее мысли, но уже они закрыты для меня.

Через несколько мучительных минут, наконец, слышу ее ответ:

– Ты поговоришь со мной как психолог. А у вас, как это правильно будет сказать, не разрешено рассказывать о клиентах кому бы то ни было. Врачебная тайна и все такое.

– Я не врач.

С усилием отрываю от бывшей жены замыленный взгляд, встаю и отхожу. Стараюсь переключить свое внимание на том, что мы бывшие, чужие, нас ничего не связывает.

Не получается.

Она просит невозможное.

Голова всмятку уже сварилась от мыслей по поводу Ольги. Хоть и правда на стенку лезь от внутренних противоречий.

– Мне нужно подумать, – довольно резко и грубо отвечаю.

Ляля ставит бокал с вином, которое она всего-навсего пригубила, и искорка самодовольства загорается в ее глазах. Крошечная, но победа.

Цепляю за тонкую ножку бокал ровно в том месте, где еще секунду назад касались ее пальцы. Я еще чувствую тепло, которое яркими потоками впитывается в мою кожу и стремительно двигается по венам.

Сердце получает первый удар.

– А пока ты мне отдашь еще одну папку. Ты сказала, у тебя их несколько.

Делаю глоток. Ставлю обратно.

Ольга поднимается с дивана, идет в мою сторону и... берет бокал и делает свой глоток. Ее губы там, где были мои. Она облизывает свои, высунув аккуратный кончик языка, глядя мне в глаза. Темный взгляд скрещивается с моим, между нами снова многовольтное напряжение до звонкого гула.

Ее запаха, вкус кожи отчетливо всплывает в памяти и прессом вдавливаются в рецепторы.

– Хорошо, – соглашается, не разъединяя взгляда, – я сама решу, где и когда тебе передать документы.

Сглатываем синхронно. Между нами какие-то десять сан-

тиметров. Ее губы в критической близости. Яркие, влажные от вина. А еще ее вкус, непередаваемый. С наркотическими вплетениями, от которых разряд проходит по всем чувствительным местам за жалкие доли секунды.

Ольга дергается. Будто мне навстречу. Я коряво наклоняю к ней голову. Все происходит быстро. Острота момента жгучая, в грудной клетке микроразрывы, из которых кровь рекой льется.

– Вам все понравилось? – нагло рушит этот сакральный момент официант.

Снова. У них тут камеры, что ль? Они словно знают, в какое время нужно войти.

– Нет, – раздраженно отвечаю, – ваша навязчивость мне не понравилась.

Открываю рот для продолжения тирады, а Ольга берет сумку и уже огибает официанта, чтобы уйти из кабинки. Снова сбегает.

Кидаю какую-то неприличную сумму на стол. Там чаевых еще на несколько посещений в этот ресторан. И убегаю за бывшей женой.

Самому не верится.

Лялька торопливо забирает куртку из гардероба, завязывает шарф, как-то причудливо завязывает его под куртку. За мороженным взглядом все смотрю на нее.

Она уже другая.

Моя Оля стала другой.

– Подожди! – выкрикиваю.

От отчаяния сердце через горло выпрыгивает из тела, отрывая все присоединенные к ней артерии на фиг.

Хватаю Ольгу грубо за локоть и разворачиваю к себе. Ее глаза слегка покраснели, как и кончик носа. Губы подрагивали, но жена упрямо начинает их кусать, чтобы я не понял причину ее состояния.

Блевать от себя хочется, но... я ведь не сделал ничего, что могло так повлиять на состояние Ляльки.

– Макс? – знакомый голос доносится как из другой реальности. Но отмахнуться от него хочется. Ох, как все не вовремя сегодня.

– Ксения. Ты что здесь делаешь? – перевожу взгляд на сестру. Та всю разглядывает Олю. Хмурится, даже кривится.

Не успеваю ответить, бывшая жена выбегает из ресторана, оставляя шлейф духов, которые откидывают меня в прошлое.

– Ты опять себя в ту же яму закапываешь? Забыл, что пережил? – спрашивает, вгоняя гвозди прямо мне в голову, – да и замуж твоя бывшая собралась.

Глава 8. Оля

Не помню, как убежала из ресторана, как доехала на такси до дома. Даже как по лестнице поднималась тоже не помню.

Все в каком-то коматозном состоянии было, плыло и вращалось вокруг, но я уверенно стояла на ногах. Хотя скорее уверенно бежала. Подальше от того ресторана, бывшего мужа и его сестры, которая теперь невесть что обо мне подумает.

Захлопываю за собой дверь и, не разуваясь, спешу на кухню. Наливаю полный бокал воды и выпиваю его жадными глотками. После вина еще очень пить хочется. Ну, и пожар под ребрами потушить, он только вряд ли тушится таким способом.

Внутри все тикает, клокочет, словно сожрать кто-то пытается. Противное ощущение, но вместе с тем усиливается непроходящая дрожь, стоит вспомнить, как на меня смотрел Макс.

Его черные, как угли, глаза прожигали мою кожу с шипением, оставляя корявые края и доходя до самых глубинных секретов.

Это пугало, завораживало и хотелось прям там кинуться ему в объятия и по-настоящему просить его о помощи. Не знаю, в чем именно она бы заключалась. Но... он бы понял. Я уверена.

Стягиваю с себя ненавистную в данный момент водолазку, снимаю джинсы, колготки – да, не очень романтично и сексуально – и закидываю их в дальний угол.

Одежда пропиталась его запахом насквозь, до самых тонких и незаметных ниточек. Я сама пропиталась как губка, ничего от меня не осталось.

Принимаю душ и трусь очень жесткой мочалкой, стараюсь смыть с себя и воспоминания этого вечера, и фантомный аромат *его* бессменной туалетной воды.

Ужасное состояние, болезненное какое-то. Колотит как в лютый мороз, а вода теплая, даже горячая.

Что ж так плохо-то?

На кухне завариваю крепкий чай и ловко кручу телефон в руках. Пальцы все стерла от постоянных вращений.

От простреливающих мыслей раскалывается голова. Хочется отмотать этот вечер и все-таки не ходить. А я, дура, зачем-то пошла у него на поводу.

И Ксения... она же точно все неправильно поняла.

Господи, клубок снова запутывается.

– Привет, Ксюш, – решаюсь набрать сестру бывшего.

Нужно объяснить.

– Ольга? – голос, полный неожиданности.

Цепляюсь за разумные мысли, которые все-таки обитают у меня в голове и с нажимом произношу:

– Ты можешь ко мне приехать? Я бы очень хотела с тобой переговорить, – на одном дыхании произношу и зависаю в

ожидании ее ответа.

На том конце мертвая тишина.

Под кожей скапливаются пузырьки воздуха и стремительно передвигаются по всему телу.

– Ладно. Могу сейчас.

Выдыхаю и улыбаюсь. Камень с плеч еще не упал, но мне значительно легче.

– Да, сейчас было бы отлично.

Не прощаясь, сбрасываем звонок одновременно. Высылаю ей сообщение с адресом и откидываю телефон.

На часах почти одиннадцать вечера. В такое позднее время еще не принимала гостей. Но ждать следующего дня не смогла бы. Меня кто-то отчаянно подгоняет сзади, спина чешется от этих жалиющих касаний.

Ксения приезжает спустя полчаса в той же одежде, в которой была в ресторане. Сразу оттуда ко мне?

Сердце клокочет от волнения.

– Я ненадолго, – коротко говорит, разуваясь и осматривая небольшую прихожую.

После развода мы продали нашу просторную трешку, и чуть позже я купила скромную однушку в спальном районе зато не так далеко от центра.

– Чай? Кофе? Есть коньяк, – решаю как бы пошутить. Хотя в таком состоянии я тот еще шутник.

Несмотря на то что нахожусь на своей территории, мне неудобно, я не чувствую комфорта и... власти над ситуацией.

– Давай кофе. Все равно ночь не спать, – безразлично отвечает, присаживаясь на стул.

– Почему?

– Работы много.

– Помню, ты работала раньше в фармацевтике?

– Хм... полгода назад я уволилась оттуда. Теперь работаю в другой отрасли.

Наш непринужденный разговор о прошлом, настоящем все равно пахнет чем-то невкусным. Мое любопытство напускное, а ответы Ксении настолько завуалированы, не терпится быстрее закончить разговор.

Зря ей тогда звонила. Мне не нужно было спрашивать у нее про Макса и вообще лезть с этими дурацкими папками. Я виновата в том, что с каждым днем моя жизнь крутится в обратном направлении.

– Слышала, что сейчас государство активно поддерживает заводы по производству калийно-фосфатных удобрений?

Сглатываю большой глоток чай, чуть не подавившись. Он как горькая полынь стекает по стенкам гортани, в горле першить начинает, а глаза предательски слезятся.

Станный разговор. Очень. Не то чтобы я хочу про масштабные скидки в “Золотом яблоке” говорить, но удобрения? Seriously?

Семья Кречетова всегда была поехавшей, но настолько?..

– Да, что-то слышала.

Оскар говорил с кем-то по телефону о таких заводах

несколько раз. Но об этом умалчиваю. Мы не подруги, чтобы я стала откровенничать и упоминать своего жениха в присутствии сестры бывшего мужа.

– Ну вот я работаю теперь в компании, владеющей несколькими такими заводами.

– Круто! Поздравляю.

Снова глоток. Чаю осталось на дне, а я никак не начну разговор.

Оказывается, это сложно – говорить о том, что тебя волнует, особенно когда сложно сформулировать мысль, выходящую беспрестанно в голове.

– Так зачем ты меня звала, Оля?

– Поговори с братом, чтобы перестал меня донимать, – резко произношу, истекая потом от напряжения.

В глаза ее впечатываюсь, стараясь считать реакцию и эмоции.

– А разве ваши отношения не закончились два года назад? – с той же резкостью отвечает мне.

Между нами вспыхивает явное напряжение. Имя ему Максим.

– Послушай, – чуть смягчается, – ваша любовь прошла. Так бывает. Оставь его. У него... девушка есть. Хорошая. Возможно, и свадьба скоро будет.

Меня режут на живую, не применяя даже легкого анестетика. Медленно разрезают все слои кожи, мышцы, доходят до кости и одним движением вонзают острие ножа.

“Любовь прошла”.

“Девушка есть”.

“Свадьба”.

Меня не должно это трогать. Ни на грамм.

Но я еле стою на ногах. Выдавливаю смазанную улыбку, больше похожую на движение губ человека после инсульта.

– Мы просто сцепились. Макс давит на мою больную точку, я на его. Пришлось пригрозить компроматом, – зачем-то рассказываю.

Чтобы как-то оправдать наши встречи? Наши слова?

– Уау, всю жизнь знаю брата, и у меня нет ни одного компромата на него. Правда, есть чем припугнуть Макса?

В глазах неподдельный интерес. Какой-то ядерный, опасный. Он слепит меня, выжигая сетчатку. Передо мной картинка расплывается, лишь красные объемные круги вырисовываются. И подкатывающая тошнота в желудке, которая заставляет чуть сгорбиться.

– Есть. Документы одни. Скопировала, когда была зла на него. Ну, и сохранила.

От стен моей кухни отбивается сердечный ритм. Грудную клетку стискивают ребра.

Я, наверное, сошла с ума, раз прошу о таком его сестру. Но видится с ним, пока мы не решим все безумие, которое сами и заварили, больше нет ни сил, ни желания.

– Хорошо, я помогу. Но ты обещаешь закончить ваши отношения и никогда не появляться в его жизни. Дай ему сво-

боду.

Мгновенно бросает в жар, и пот ручьями выталкивается из пор на спине. Ткань домашней футболки липнет к коже, образуя некрасивые влажные следы.

Выражение “кожа пылает” воспринимается теперь буквально.

– Тем более, ты сама вот-вот замуж выйдешь.

Обнимаю себя руками, затравленно опуская взгляд на плитку. Моя вина перед Оскаром нарастает с каждой минутой. Он ведь просил не видаться с бывшим за его спиной. А я ослушалась.

– Откуда знаешь?

– Хм...

Ответа нет.

Оскар Брандт – довольно известная личность. Не медийная, конечно, но в бизнесе он давно. Думаю, и информацию о личной жизни в каких-то изданиях нет да нет, но публикуют.

Ксения уходит через несколько минут после нашего с ней уговора, пока я разбираюсь на кухне и тупо смотрю в окно. Уходит спешно, но уверенно. Мы даже не прощаемся.

Я теперь вдвойне глупо себя чувствую. Да и осадок после разговора какой-то тухлый, неприятный.

Глава 9. Оля

Всю неделю после нашей встречи с Максом и последующим разговором с Ксенией я сижу на иголках. Постоянно чего-то жду. Невыносимо.

Стоит телефону зазвонить, все внутренности превращаются в камень и бахают вниз с огромной скоростью. Самый настоящий камнепад.

– Ты даже сегодня на обед не ходила, Оль! – ругает Камила, моя коллега, сидящая по правую руку от меня.

– Последнее время аппетита нет, – невнятно говорю, надеясь, что никто не расслышит. Вступать в диалог тоже нет никакого желания.

– Может, случилось что?

Может, и случилось. Да, так и есть. Бывший муж со мной случился, после встречи с которым я сама не своя.

Как старые засохшие раны вновь повредить. Говорят, травмы никогда не заживают полностью. В какие-то моменты они дают о себе знать.

Душевная травма же тоже по праву считается травмой? Мне при расставании было очень больно. Невыносимо. Хоть с крыши прыгай от одиночества, обиды и растоптанных чувств.

– Все в порядке. Устала.

Не прощаясь, забираю сумку, одеваюсь и ухожу с работы

раньше положенного.

На улице выюжит и снег залетает за воротник. Снежинки, касаясь горячей кожи, мгновенно тают, ошпаривая секундным холодом.

До метро мне идти пару кварталом. Можно было бы, конечно, и на такси доехать до дома. Но хочется чувствовать этот долбанный снег за шиворотом. Он как-то отрезвляет, заставляет держаться за реальность и не уплывать мыслями в прошлое.

– Ай!

Сзади налетает какой-то парень, толкнув меня вперед. И я, падая, больно ударяюсь коленом об лед.

Искры из глаз стреляют как из мощного оружия. А еще обидно. Против меня словно весь мир.

– Извините. С вами все в порядке? – парень вынимает наушник и пугливо уставился мне в лицо. Отмахнуться от такой заботы хочется.

Вроде не виноват парнишка, а всех собак на него спустить желаю.

– Вполне, – тухло отвечаю.

Потираю пострадавшее колено и, хромая, все-таки достаю телефон, чтобы вызвать такси.

Взглядом цепляюсь за пустой экран. Ни пропущенного звонка, ни сообщения. Бывший муж исчез.

Пугает? Обеспокоена? Чувствую неладное?

Думаю, все вместе.

Или Ксения выполнила свое обещание. Интересно, как она могла заставить брата отступить и не лезть ко мне?

Дома пугающая тишина, к которой должна была привыкнуть. Сегодня, правда, от нее неуютно. Включаю везде свет, телевизор, Алису прошу найти жизнерадостные песни.

Ну, надо же как-то себя выводить из этого состояния.

Не успеваю и руки помыть, меня оглушает звонок в дверь.

Кожа натягивается на затылке от волнения, в горле распирающее чувство, ни звука не могу издать.

Господи, а если это *он*? Мысли тут же набрасываются на меня как стадо голодных собак и терзают, пока мучаюсь от разрывающих ощущений во всем теле.

К двери подкрадываюсь на цыпочках, как будто я не у себя дома.

Сердце проваливается вниз и мигом отскакивает на свое прежнее место. В голове снова безвкусная вата. Но вот ощущения не проходят.

Мне беспокойно.

– Привет, – здороваюсь, едва открыв дверь.

– Ты долго, – голос Оскара пропитан холодом.

Мы мало общались во время его отсутствия. Точнее, разговор всегда откладывался из-за его постоянной занятости. Разумеется, я знаю, что мой жених очень занятой человек. Но у меня не исчезало чувство, будто своим игнором Брандт за что-то наказывает меня.

Почему я так думаю?

– В ванной была. Руки мыла и из-за шума воды не слышала.

Оскар никак не комментирует. Без приглашения заходит, придирчиво осматривает прихожую. Морщится как от зубной боли.

– Ты не сообщил, что приедешь, – жалобно говорю.

– А должен? – резко поворачивается ко мне.

В какой-то момент мне кажется, что я не знаю этого человека. А потом его взгляд смягчается, становится по-старому мягким и теплым.

И я гоню непрощенные мысли прочь, далеко. Туда же, куда я бы прогнала своего бывшего. И чтобы больше никогда и ни за что не показывался.

– Голодный? – пробую улыбнуться.

– А ты умеешь готовить?

Не умею. По этому поводу часто спорили, даже ругались с Кречетовым. Тот избалованный, привык на маминых харчах жить. А я бутерброд криво режу. И честно, с голоду еще не умерла.

– Можно что-то заказать, – примирительным тоном отвечаю, делая крошечные шагжки в сторону своего жениха.

Ну сколько можно? У нас свадьба, мы любим друг друга. А тут какая-то пропасть вдруг образовалась.

После того мероприятия и встречи с бывшим.

– Хорошо, – наконец улыбается.

И мы обнимаемся.

Да, вот сейчас должно все наладиться. Я просто скучала по Оскару, по нашим объятиям, поцелуям. Нежности...

Заказанную из ресторана еду привозят в течение часа. Все это время Оскар с кем-то долго общается по телефону. Я вновь слышу что-то про заводы, удобрения и поставки.

Мы молча ужинаем, даже не смотрим друг на друга. Не то чтобы мы всегда играли в “гляделки”, но такая отстраненность как-то разочаровывает.

Оскар откладывает приборы, промакивает рот салфеткой и, наконец, устремляет свой взгляд на меня. Острый и до сбившегося дыхания жуткий.

– Что-то не так? – осторожно спрашиваю. Голос дрожит, меня словно в холодную простыню заворачивают.

– Как дела? Чем занималась, пока я отсутствовал?

Сглатываю. Пережеванное мясо встает в горле и не может провалиться в желудок. Чувствую, что начинаю задыхаться. Даже в глазах потемнело.

– Работала. Ходила по магазинам. Купила новое платье. Показать?

– А еще?

Увожу взгляд в сторону, в угол. Мое лицо горит в его темных глазах.

– Решала кое-какие проблемы.

– У тебя есть проблемы?

– Как и у всех, – спешу договорить. Хочется уже свернуть этот разговор. Он движется не в то русло.

– Но ты не все. И о твоих проблемах мне неизвестно.

Он утверждает. Словами давит, выкручивает, сжимает.

В растерянных чувствах вскакиваю со своего места как ужаленная и убегаю в спальню. Тело колотит и бьет судорогой.

– Эй, ну ты чего? – стучится он спустя несколько минут.

Быстро вытираю скатившиеся слезы тыльной стороной ладони. Оскар не любит женских слез и истерик. В тот момент, когда он мне это говорил, я забыла, что значит плакать. Уверяла, что я не из тех женщин, что пускают слезу по любому поводу.

Оказывается, я хуже.

Я не могу понять причину этих самых слез.

– Усталость накопилась. Ты извини меня.

Оскар фиксирует мою голову руками, заставляет смотреть ему прямо в глаза. Там еще молнии сверкают, и чувствуется опасность. Но уже нет объемной темноты, от которой хочется сбежать.

– И ты. Неделя выдалась напряженной и наполненной разными неожиданными новостями.

Киваю.

Брандт смахивает пальцами слезы, трет мою щеку, словно пытается высушить ее от соленых дорожек.

И наклоняется за поцелуем.

Приоткрываю губы, и мы встречаемся языками. Я знаю его действия наперед. Уже привыкла к ним.

Рука Оскара скользит вниз и ловко развязывает пояс халата. Под ним лишь тонкая хлопковая маечка и трусики.

– Я скучал, – коротко говорит, оторвавшись от моих губ.

Выдавливаю скудную улыбку. Ведь я тоже скучала. Скучала?

Халат летит мне в ноги, обдавая легких дуновением. Дыхание рваное и нестабильное. Кожа в момент покрывается мурашками от ставших торопливыми касаний.

– Ты же ждала меня, Ольга?

Целует шею, проводит по ней языком, всасывает тонкую кожу, пока руками цепляет край майки, чтобы снять и отбросить в сторону.

Будущий муж отстраняется резко, почти отталкивает и смотрит жадным взглядом, от которого не по себе.

– Красивая. Блядь. Моя.

Дергаюсь, руки чешутся от желания прикрыть грудь.

Одним движением Оскар вновь привлекает к себе, шаря раскрытой ладонью по всему телу, жестко сминая и неприятно стягивая кожу с животным, диким урчанием.

Его дыхание у основания шеи. Оно оставляет кислый отпечаток, когда его губы вновь насильно всасывают мои.

Яркая вспышка перед глазами до помутнения рассудка и дурной тошноты.

Ночной клуб, много народа и какой-то незаметный закуток. Максим его трахательным местом назвал. Кречетов целовал меня тогда, как никогда ранее. Как обезумевший муж-

чина может целовать свою женщину. Языком лаская каждый уголок, впитывая в себе запах и вкус. Нам рвало крышу как при вражеских бомбардировках. А потом трахались. В том самом закутке.

Где-то звучали голоса, звуки музыки, смыв туалетного бачка. А Макс зажимал мне рот рукой и яростно толкался в меня до упора. Быстро, четко, пока не наступал мой взрывной оргазм. Глядя в глаза и выпивая все эмоции в тот момент.

– Оскар, не сегодня, – руками упираюсь в его сильную грудную клетку и пробую оттолкнуть.

Я словно вновь была в том клубе.

Господи, пять лет назад. Это было пять лет назад. А кожа до сих пор словно сдернутая от воспоминаний и реальных ощущений. Сердце вылетает из тела и расплющивается от оргазма, который шумит в моих венах. Сейчас! Это происходит со мной сейчас!

– Почему? – жестко спрашивает. Его голос ржавым металлом звучит.

Потому что хочу трахнуться в том гребаном клубе, в том закутке!

Вот что я хочу!

– Плохо себя чувствую. Живот с утра болит, – вру и отворачиваюсь.

Оскар вбивает кулак в стену с громким треском и уходит из спальни.

Выдыхаю с облегчением.

– Как захочешь, позвони! – кричит из коридора.

Я даже не иду его провожать. Просто опускаюсь полуголой на пол, прикрываю ладонями лицо и молю Бога, чтобы перед глазами перестали всплывать воспоминания с бывшим мужем.

Глава 10. Оля

– Ты молодец, что не стала киснуть дома и приехала!

– Да и сколько мы уже не виделись? Как встретила своего

Оскара, так пропала с радаров!

Передо мной бокал игристого, а слух улавливает очередную слезливую песню о брошенной девушке, любовь которой стало чистой ненавистью. До этого была классика 90-х.

Анька и Яна – мои подруги еще с института. Именно им я рассказывала о бурном романе со старшекурсником Максимом Кречетовым, они дрались за букет невесты у меня на свадьбе и заказывали торт в день моего развода.

А сейчас вытащили в караоке-клуб, чтобы развеяться.

Оскар не звонил, а прошло уже несколько дней, Ксения тоже не объявлялась, как и Макс.

И мне жутко не нравится эта тишина. Как говорится, самое темное время перед рассветом, и глухая тишина – перед страшной катастрофой.

Вот и мне кажется, что надвигается какая-то буря. Не отделаться от этих искрометных ощущений.

– Ну, какую песню заказываем? – Яна самая безбашенная из нас. Смелая, яркая, задорная. С ней никогда не было скучно.

Цепляю тонкой шпажкой крошечно нарезанный квадратик сыра и отправляю в рот. На языке растекается сливоч-

ный вкус с послевкусием легкой горчинки.

Помню, как Макс однажды повел меня на дегустацию вина. Несколько бокалов, наполненные от светло-розового до кроваво-багряного оттенка, стояли на столах, а рядом закуски: сырная нарезка, фрукты, орехи и сыровяленое мясо.

Я думала, умру от скуки. Чуть не заснула. Опрокинула в себя первый бокал до дна, а, оказывается, нужно было его как-то во рту погонять, на языке на составляющие расщепить.

Макс злился, а я ругалась. Вечер был испорчен.

Выпиваю свой бокал и с шумом ставлю на стол, пугая подруг такой резкостью.

– У вас с Оскаром все в порядке? – обеспокоенно спрашивает Аня.

Подруги переглядываются между собой. Мое поведение странное, согласна. Оно не свойственно мне. Потому что я либо радуюсь и веселюсь, либо взрываюсь как петарда и крушу все вокруг. У меня только две стадии.

А сейчас я тихо злюсь и молчу.

И боюсь.

– Все прекрасно.

Наверное.

– Вот и хорошо. А на провокации Кречетова больше не ведись.

В двух словах я рассказала о встрече с бывшим мужем и последующим разговором в ресторане. Без деталей. Для

Аньки с Яной сказала, что Макс попросил о встрече, на которую я согласилась. Кречетов в очередной раз извращенно поиздевался там надо мной и морально уничтожил.

– Не буду.

Зря надела тесное платье, ведь оно сейчас перекрывает поток воздуха к легким. Сидеть становится сложно, хочется выпрямиться, а я будто в крошечной клетке с толстыми прочными прутьями.

– Давай, ты песню выбирай. После того столика наш выход.

Беру в руки планшет и бездумно скроллю бегунком вниз. Перед глазами буквы расплываются в череду бессмысленных названий.

Все вокруг подпевают классной песни. Кто-то танцует, кто-то постоянно проходит рядом туда и обратно. Помещение кажется невероятно маленьким для такого количества людей.

– Вот эту, – тыкаю пальцем в небо. Я ведь и не прочитала ни названия, ни исполнителя. Все равно...

– Ты уверена? Ничего не хочешь еще поискать?

– Уверена.

Выдавливаю скудную улыбку, мышцы лица сводит от этой наигранности.

Чувствую себя куклой, которая при нажатии кнопки должна что-то произносить.

В бокале пусто, я подзываю официанта и прошу повторить

заказ. Все это время между нами повисает тишина.

Опять эта гребаная тишина, которая душит. Иногда мне начинает казаться, что я оглохла. Либо мне силой прикрыли уши, только гул сердца бьет по венам и этот странный шум я и слышу.

Нам передают два микрофона одновременно со свежим бокалом игристого.

Первые ноты, и у меня уносит в прошлое по щелчку.

С жадностью хватаю бокал, делаю несколько глотков, пока язык и горло жжет противный алкоголь. В глазах стоят слезы.

– Я тебя спрашивала, уверена ли ты, – оправдывается Яна.

– Ты не видела, что выбираешь? – с некой претензией спрашивает Аня.

Уставилась на подруг, не нахожу в себе силы взять микрофон и спеть. А я ведь люблю петь. Мы же часто ходили с подругами в караоке.

В горле необъятный ком, который разрывает стенки гортани и вырывает язык. Тело сковал липкое ощущение, что надо мной сверху точно кто-то издевается. Или кто-то специально меня испытывает на прочность.

Мелодия, что играла у нас на свадьбе, бьет противными маленькими молоточками по мозгам.

Раз – и последние семь лет сматываются как старая пленка.

Два – вот мы с Максом танцуем наш танец молодых.

Три – целуемся, когда звучит припев.

– Все в порядке, это просто песня, – безжизненным голосом говорю.

Украдкой на часы поглядываю. Сколько еще времени продержусь? Мечтаю уехать отсюда подальше.

– По тебе и не скажешь, – Яна отворачивается, забирает микрофоны и, так и не спев, передает их за другой столик.

Песня закончена. Я выдыхаю.

И где были мои глаза, когда тыкала в эту песню?

Телефон вибрирует, а на экране загорается имя моего жениха.

Жениха...

Беру себя в руки и, схватив телефон, выхожу из зала, чтобы ответить на звонок. В спину бросаются жалостливые взгляды подруг. Ну конечно, мое подавленное состояние сложно не заметить. А если сложить все составляющие, можно понять причину.

Бывший муж, который вновь ворвался в мою жизнь.

– Слушаю, – устало отвечаю.

– Привет, – вдруг ласково говорит.

Он был обижен. Его игнор – очередное наказание, из которого я должна была вынести какой-то урок.

– Привет, – отвечаю.

Оскар все-таки набрал мой номер первым. Значит, готов к примирению. У нас свадьба через месяц. Платье уже куплено, ресторан заказан. Приглашения высланы.

– Ты как? – спрашивает спустя несколько секунд.

Стараюсь найти место потише, но везде шум. Голова раскалывается от него. А после выпитого бокала на голодный желудок картинка начинает плыть.

– Хорошо. Ждала, когда ты мне позвонишь.

– Я думал, позвонишь мне ты... – снова с претензией отвечает, – а ... ты где? Не дома? В такой час?

Быстро отнимаю телефон от уха. Время – одиннадцать. Не прям уж так и поздно, учитывая, что мне не шестнадцать лет.

– Мы с подругами в караоке решили сходить. Сегодня пятница, захотелось передохнуть после рабочей недели.

– Ты мне не говорила, что хочешь отдохнуть *так*.

Оскар не одобряет все эти походы в клуб. Не знаю, какая история у него за этим скрыта, но мои посещения всегда воспринимались им если не в штыки, то крайне неодобрительно.

– Так ты и не спрашивал, *как* мне хочется отдохнуть.

Алкоголь придает смелость, перестаю видеть границы.

– Где именно ты? Я подъеду и заберу. Все равно только из офиса выезжаю.

– Так поздно?

Мой вопрос отчего-то без ответа.

Кладем трубку. Вроде и примирительный разговор, но вот послевкусие у него поганое. Как тухлая рыба, которую нам подсунули на той самой дегустации. Макс говорил, что мне показалось, а во рту отчетливо ощущался вкус мерзкой, воющей рыбы.

Как и сейчас.

Прощаюсь с девочками, оставляю их одних и, забрав верхнюю одежду из гардероба, сразу выхожу на улицу.

Можно и на такси уехать домой, избежать встречи с Оскаром.

Я бы так поступила раньше. Макс называл это “проявить скверный характер”. И из какой-то вредности к своему прошлому, я остаюсь ждать Оскара.

Потому что изменилась. Я стала другой.

Отчаянно хочется в это верить.

Машина Брандта подъезжает спустя несколько минут. Он действительно был где-то рядом. Его офис находится в двух станциях метро от этого клуба.

Не врал, выходит.

Черный “Майбах” останавливается около меня. Хватаюсь за ручку, чтобы уже открыть дверь.

– Оля, подожди. Там занято, – Оскар быстро вскакивает с водительского места и обегает машину.

Меня обдаёт арктическим холодом от всей этой ситуации. За спиной стягивается липучее предчувствие, но я не могу понять, откуда оно исходит, где его источник.

Будущий муж останавливается близко ко мне, аромат туалетной воды смешивается с воздухом, и я непроизвольно вдыхаю его.

Стискиваю пальцами ручки маленькой сумочки и жду его объяснений. Они же будут?

– Садись на заднее, пожалуйста, – просит как бы вежливо.
Но взгляд строгий.

Ослушаться? Закатить скандал? Накричать? Потребовать объяснений?

Прошлая Ольга бы поступила так.

Я же делала так с Максом.

Но сейчас я коротко киваю, позволяя Брандту открыть передо мной заднюю дверь, и присаживаюсь.

В салоне тепло, пахнет горьким свежемолотым кофе и... женскими духами.

Ключица ломается от тяжести этих запахов, а вдоль ребер расплзается гнетущее чувство.

– Привет, Ольга.

Я падаю. Моя душа замирает в этом мгновении и кидается на обломки из стекла, которые вонзаются, нисколько не щадя.

Боже, как все путается. Я маленькая мошка, которая угодила в липкую паутину.

– Ксения? Ты... ты...

Водительская дверь открывается, Оскар присаживается за руль и плавно стартует с места.

– Ольга, познакомься, это Ксения, руководитель PR-службы моей компании.

– Мы знакомы.

Брандт если и догадывался, то не подает виду. Уж не знаю, как можно было взять на работу человека с фамилией Кре-

четова, когда у его будущей жены такая же, и не задаться вопросами. Оскар же не идиот, мог сообразить что к чему.

Но сейчас он молчит, погружая тихий салон в могильную и вязкую тишину, которая вплетается в вены словно так и задумано природой.

Меня Оскар не представляет.

А больше ни одно слово из нас никто не проронил.

Получается, тот, кто работает на моего будущего мужа, знает много того, что хотелось бы скрыть. Я сама дала ей козыри прямо в открытые ладони.

Ох, Оля, куда ты себя втянула?

Глава 11. Макс

– Совсем похудел. Не ешь, наверное, ничего. В этих ресторанах разве нормальную еду дают? – голос мамы, привычный с детства, чуть раздражает.

Но как взрослый человек, я не могу ей этого сказать, чтобы не обидеть. Моя реакция на ее тон и слова никак не связаны с самим человеком.

– Жену ему нормальную надо. Чтобы готовила.

– Ага, была тут одна.

Нервно вздыхаю, намереваясь закончить уже этот спор между матерью и отцом. Мы, вообще-то, на ужин собрались.

Так как родители не любят рестораны, вот такие вот семейные вечера раз в месяц проходят либо у меня дома, либо у родителей, либо у сестры.

Этот вечер я полностью посвящаю семье. Мы спрашиваем о делах, рассказываем накопившиеся новости, делимся планами. А как за ними закрывается дверь, я плюхаюсь на диван, врубаю телек и залипаю на каком-нибудь фильме.

Их опека одно время была удушающая.

– Ксения сказала, что ты ее видел? – ловко забрасывает свою удочку мама.

Перевожу полный гнева взгляд на сестру, сидящую напротив меня. Мгновенная усталость наваливается на плечи, голова обливается чугуном, вилка, уверенно находящаяся в

руке, со звоном ударяется о тарелку и падает на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.